Вячеслав Моисеев

ПРИКОСНИСЬ К ПРОШЛОМУ

Сборник рассказов

Вячеслав Моисеев

Прикоснись к прошлому. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65552186
ISBN 9785005391711

Аннотация

В наш сборник вошли только лучшие рассказы Моисеева Вячеслава в жанре историческая проза: «Рыцарские кандалы», «Путешествие в прошлое», «Орден в огне», «Защитники Шотландии» и «Заграничный поход».

Содержание

Рыцарские кандалы 5
Замок Глазенап 6
Замок Уолтер 13
Аббатство Святого Августина 53
Путешествие в прошлое 63
Конец ознакомительного фрагмента. 73

Прикоснись к прошлому
Сборник рассказов

Вячеслав Моисеев

© Вячеслав Моисеев, 2021

ISBN 978-5-0053-9171-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рыцарские кандалы

Кто ненавидит то, что лишено милосердия, тот проявляет милосердие

Конфуций

Замок Глазенап

В Баварии, в двух милях от Мюнхена жила рыцарская семья. Небольшой замок, построенный из огромных камней, возвышался на вершине холма. Это был замок Глазенап, где жил рыцарь Алоис – высокий мужчина лет двадцати пяти со своей женой Агнеттой и с шестилетним сыном Эугеном, которому уже вот-вот должно было исполниться семь лет. Воспитанием сына занималась, преимущественно, мать, так как Алоису часто приходилось участвовать в боях с соседними государствами, ведь главной ценностью в те времена была земля.

Однажды Эуген, бегая по замку, остановился у окна с видом во двор. Он был лишен роскоши и несколько мрачноват. В этом дворе на деревянной скамейке сидел Алоис, а перед ним стоял мужчина, судя по всему, герольд.[1] Несмотря на свой маленький возраст, мальчик уже знал, что это неспроста.

Он что-то предчувствовал…

Этот герольд, которого Эуген увидел в окне, сообщил Алоису о том, что герцог[2] желает, чтобы все рыцари приняли участие в новом походе. Эуген немного заволновался, догадываясь, что отцу, возможно, вновь предстоит поход.

Через некоторое время Алоис вошел в замок, и они вместе с сыном поднялись наверх по деревянной лестнице. Там наверху, на кровати сидела Агнетта и вплетала в косу ленту.

– Я отправляюсь на войну! – сказал Алоис.

Агнетта вскочила, бросив ленты, и сказала:

– Дорогой! Как же мы будем без тебя?

– Все будет в порядке, – буркнул рыцарь и зашел в гардеробную. Там он надел поверх шенса[3] и брэ[4] гамбизон[5], а за-

---

[1] Геро́льд (от лат. heraldus – глашатай или от нем. «Herald») – глашатай, вестник, церемониймейстер при дворах королей, крупных феодалов; распорядитель на торжествах, рыцарских турнирах.

[2] Бавария была герцогством.

[3] Шенс (франц.) – мужская верхняя рубашка франков, отделанная пестрой каймой или вышивкой.

[4] Брэ (фр. braies) – деталь мужского костюма, нательное бельё для низа в Сред-

тем и доспехи. Выйдя из гардеробной, Алоис сказал Эугену:

– Сынок, теперь ты остаешься за старшего! Я ухожу на войну! Ты уже довольно большой! И скоро уже будешь посвящен во взрослую жизнь!

Потом Алоис подошел к жене, поцеловал ее и простился. Он уехал на войну…

Эуген расположился у окна и любовался просторами, находящимися за пределами крепостной стены. Это были живописные холмы и крестьянская деревенька с маленькими аккуратными домишками. Он был поглощен своими мыслями. Отец много рассказывал ему о войнах, храбрых сражениях, и мальчик представлял себе, как его отец Алоис сражается с врагом. Непонятно ради чего и за что, но это казалось нашему маленькому герою и не столь важным. Пожалуй, на эти вопросы мог бы ответить лишь сам герцог.

Эуген сидел у окна до тех пор, пока Агнетта не прогнала его:

ние века, носились вместе с рубахой.

[5] Гамбизон – Стеганая длинная узкая куртка, набитая волосом, ее носили рыцари под латными доспехами.

– Хватит сидеть, сынок! Иди и прикажи слугам приготовить обед!

Так незаметно и скучно пролетало детство – беззаботная пора! Но вот, малышу Эугену исполнилось семь лет. Алоис еще был в отъезде.

Агнетта уже не уделяла ему большого внимания. Она проводила вечера за большим столом. Она приглашала в гости своих подруг, которые были такими же, как и она, женами благородных воинов. Подруги всегда одевались по последнему «писку моды» и рассказывали друг другу за столом женские секреты. Слуги таскали дамам угощения, а Эуген одиноко сидел у окна и с нетерпением ждал возвращения отца.

Вскоре вернулся Алоис! Эуген был счастлив! Сколько он мечтал об этой встрече, и подумать страшно! Казалось, прошли годы, но, на самом деле, прошло намного меньше вре-

мени. Отец поздравил своего сына с семилетием, а спустя примерно неделю рыцарская семья нашла одного знатного синьора, которому нужен был паж. Алоис отправился в замок Уолтер.

Синьор был мужчиной сорока пяти лет и считался уже пожилым. Небольшая борода придавала угрюмости его лицу. Фалберт Уолтер – так звали синьора, к которому прибыл Алоис.

– Добро пожаловать в замок Уолтер! – сказал торжественно Фалберт.

– О, великий господин! Возьмете ли вы моего сына к себе на службу? – спросил Алоис.

– Конечно, да! Я уже не молод и мне не помешала бы помощь. Вы – прекрасный воин, рыцарь Глазенап[6], и ваш сын достоин служить мне! Я бы хотел увидеть его уже завтра!

– Конечно! – согласился Алоис.

Синьор, хозяин замка, приказал слугам готовиться к встрече гостей: они должны были начистить до блеска щиты в парадном зале и доспехи синьора.

---

[6] Фамилии господ в Средневековой Европе очень часто происходили от названия земель.

На следующий день Эуген с нетерпением ждал встречи с синьором. Агнетта вместе с прислугой сшила ему табар[7], в котором обычно ходили пажи. На голову ему, как королевскую корону, водрузили берет, одели укороченные штаны. Казалось, все было идеально подготовлено.

Эуген ехал в замок Уолтер вместе с Алоисом. Огромные просторы крестьянских наделов виднелись по бокам повозки, и все они принадлежали Фалберту Уолтеру. А сам замок Фалберта был в несколько раз больше родного замка Эугена. Замок поражал своим величием каждого в этой округе. Множество башен, ров и откидной мост – все было могущественным и грозным.

Алоис, Эуген и их приближенные прошли по мосту, решетчатый забор приподнялся, герои оказались во дворе. Внутри замка их встретили герольды. И вот, наконец-то, долгожданный момент! Слуги торжественно выстроились в зале. Синьор восседает на троне, обшитом кожей, на нем сверкают латы.

– Я принимаю тебя на службу! – сказал Фалберт, – Я выделю тебе лучшее место в замке.

– Я очень рад! – сказал Эуген.

После уезда Алоиса Фалберт стал серьезней и строже…

---

[7] Табар – короткий плащ с рукавами колоколообразной формы, не сшитые по бокам, которые носили пажи и герольды, другие вассалы.

Замок Уолтер

– Как тебя зовут, мальчик? – спросил господин.

– Эуген, – скромно ответил будущий паж.

– Я – Фалберт Уолтер! Величайший барон в этой округе! Зови меня просто – «мой синьор»!

– Да, мой синьор!

– Отлично, а теперь ступай на кухню к Зельде, познакомься с ней и узнай, когда будет обед! А не то – поем только к вечерне…

Кухня была на самом нижнем этаже замка, а через стенку находилась тюрьма. В центре кухни стояла печь, на которой на вертеле жарилась тушка свинины. Рядом с печью сидела Зельда-девушка семнадцати лет. Напротив нее сидел юноша и помогал ей крутить вертел.

– Добрый день! – сказал наш герой, – я – Эуген, паж вашего хозяина, а вас как зовут?

– Я – Зельда.

– А я – Сигфрид.

– Синьор спрашивает, когда будет обед, – сказал Эуген.

– Свинина уже практически прожарилась, – сказал Сигфрид.

Сигфриду было лет пятнадцать – шестнадцать. Он всю жизнь провел в замке Уолтер и даже родился там, так как его мать была служанкой Фалберта. А Зельда была выкуплена у барона с соседних земель.

Как только свинина была готова, Сигфрид и Зельда положили поросенка целиком на огромную тарелку. Они с трудом внесли обед в парадный зал. Там Фалберт со смехом наблюдал за своим шутом Удо. Он обожал его больше всех при дворе своего замка.

Удо хорошо знал, чего желает его хозяин. Как появился

Удо в замке Уолтер, никто не помнил, но все знали, что он появился здесь раньше всех. Он был самым «старым» при дворе. Ему было двадцать шесть лет. Фалберт не любил прислугу не очень молодого возраста из-за ее нерасторопности и часто прогонял со двора или дарил баронам и рыцарям. Но возраст Удо не имел для него никакого значения, ведь он был любимцем хозяина. Фалберт мог использовать его в любых целях! Шут мог читать баллады, петь песни, распоряжаться слугами или просто быть лучшим собеседником синьора, что было очень важно для господина.

Удо читал шутливые стихи, когда молодые люди положили свинину на стол. Фалберт встал:

– Отлично, а теперь несите сюда яблоки и хлеб, да поскорее! – сказал Фалберт.

Синьор подошел к столу и посмотрел на свой щит на стене.

– Мой синьор! Что прикажете мне делать? – спросил Эуген.

– Иди, помоги слугам, – сказал, не поворачиваясь, Фалберт.

Эуген догнал новых приятелей уже почти на кухне. Зельда достала хлеб, а яблоки и нож – Сигфрид. Он передал их Эугену.

Когда дети вошли в парадный зал, Фалберт ждал их уже за столом.

– Наконец-то! Я уже заждался! – сердился Фалберт.

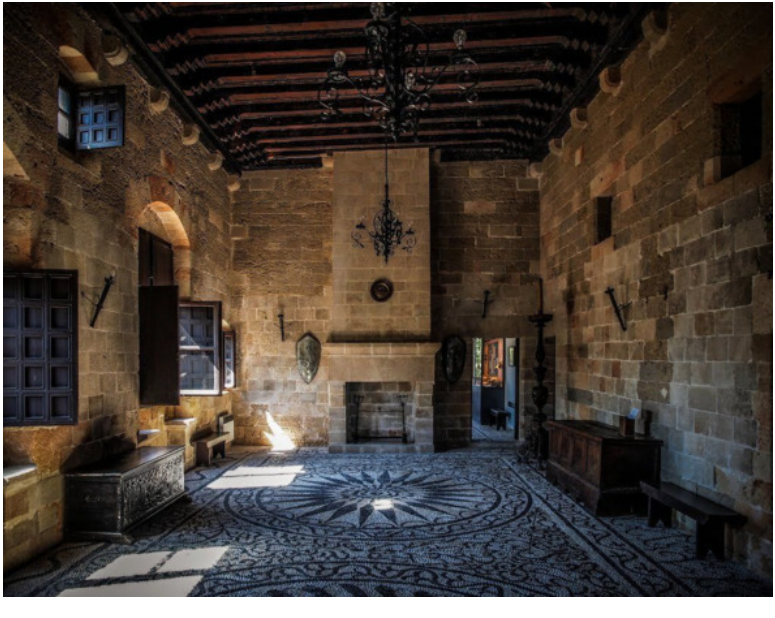
– Неужели нельзя было поторопиться ради любимого синьора! —сказал, заискивая, Удо, садясь рядом с господином.

– Простите нас, мой синьор! – сказала Зельда.

– Мне бы действительно хотелось, чтобы вы работали более слаженно и быстро! – сказал Фалберт, отрубая свиную ножку.

Он взял ее руками и откушал смачный кусочек. Молодые люди с аппетитом смотрели, как синьор вкушал свинину, но язвительный Удо сказал: «Не мешайте господину обедать! Идите лучше на кухню». Придворные ушли. Фалберт поделился ножкой с Удо и сказал: «Ты гениально читаешь мои мысли. Не люблю, когда кто-то смотрит, как я ем».

После трапезы Фалберт вытер руки о скатерть и приказал Удо позвать Сигфрида, Зельду и Эугена доесть то, что осталось, а сам вышел во двор.



Из замка вышел герольд и подошел к Фалберту. Синьор, даже не повернувшись, догадался, что сзади кто-то из слуг и сказал:

– Пора бы нам поохотиться! – сказал господин.

– Да, мой синьор, – ответил герольд и хозяин замка Уолтер сразу понял, что это Рабан. Рабан был торопливым, как

и полагается герольду. Он очень ценил Фалберта за то, что тот всегда обращался с ним уважительно.

– Рабан, иди и прикажи снарядить конницу, а Зельде прикажи готовить ужин. Сигфрида и Эугена позови ко мне, пусть возьмут на охоту луки и арбалеты[8].

– Да, мой синьор! – сказал Рабан и бегом отправился в конюшни объявлять приказ Фалберта Уолтера.

Тем временем на кухне Зельда и Сигфрид разжигали печь, которая уже потухла. Зельда знала, что уже пора было начинать приготовление ужина, так как господин мог потребовать пира в любую минуту. Эуген стоял рядом и рассказывал:

– Я родился в замке Глазенап, в рыцарской семье, и я мечтаю стать воином, как мой отец, потому что это благородное дело – воевать за герцога Баварского!

---

[8] Арбале́т (фр. arbalète от лат. arcaballista ← arcu «дуга» + ballisto «бросаю»), или самостре́л (др.-греч. τζαγρα) – боевое и спортивное метательное оружие, представляющее собой лук, оснащённый механизмами взведения и спуска тетивы.

– А мы – люди простые – дети слуг и кухарок, – сказал Сигфрид, продолжая раздувать жар в печи.

– Меня выкупили у другого господина, – сказала тихо Зельда.

– Может, нам выкупить вас на свободу? – предложил Эуген.

– Не думаю, что это будет на пользу. Что мы будем делать на свободе? – спросил Сигфрид.

Тут на кухню вошел Рабан:

– Сигфрид и Эуген, прошу вас к синьору! Возьмите луки и арбалеты!

Сигфрид и Эуген переглянулись и вышли из кухни. Они с радостью отправились в тронный зал и сняли со стен пару луков и арбалет.

Во дворе их ждал со свойственным ему нетерпением Фалберт Уолтер, восседавший в блестящих доспехах на коне коричневого окраса, а за его спиной развивался красный плащ.

– Все готово? – спросил хозяин.

– Да, мой синьор! – воскликнул Сигфрид.

– Отлично! Отдай мне арбалет, и отправляемся! – радостно проговорил Фалберт, предвкушая прогулку по лесу.

Сигфрид сел на вороную лошадь, Эуген сел рядом с ним, а Рабан уселся на белого коня.

В Средневековье было достаточно много лесов, которые очень часто охранялись от простых крестьян. Лес был не очень далеко от замка Уолтер, за несколькими домами уже можно было его рассмотреть.

В лесу царило разнотравье. Фалберт заставил коня замедлить шаг. Слуги повторили действие господина и тоже замедлили шаг. Вдруг герои заметили оленя. Фалберт прицелил арбалет и выстрелил, но… не попал. Олень скрылся.

– Старею, – сказал с грустью синьор.

Вот снова блеснула фигура оленя, и все бросились за ним. Кони монотонно стучали подковами.

Фалберт пустил стрелу, но она лишь пролетела рядом с оленем. Неожиданно стрелу метнул Эуген, и олень свалился.

– Кто же здесь настоящий охотник, который повалил этого оленя? —спросил Фалберт.

– Это был Эуген, господин, – ответил на вопрос Сигфрид.

– О! Да ты настоящий рыцарь! – похвалил Рабан.

– Я всегда знал, что твой отец отличный рыцарь! Я думаю, ты уже научился от него охоте, раз так метко пускаешь стре-

лы, – восклицал Фалберт.

– Да, мой синьор! Я учился у него этому ремеслу и несколько раз ходил с ним на охоту, – сказал смущенно Эуген, но ликуя в душе.

– Думаю, ты очень способный! – сказал синьор, – в нашем замке нужны такие люди!

После охоты все вместе с хозяином вернулись в замок. Там их ждал ужин, так как дело шло к вечерне.

Сигфрид и Рабан внесли убитого оленя на кухню, а Фалберт увел Эугена в парадный зал, где их дожидался Удо.

– Ты – рыцарь! – сказал Фалберт Эугену, – и ты должен общаться с господами, а не с кухарками и детьми крестьян! Побудь с нами!

– Как скажете, мой синьор.

– Удо, давай спой нам песнь! Красиво, интересно, как ты умеешь! – сказал господин.

Удо был недоволен тем, что господин посадил пажа за один стол с ним. Шут внезапно увидел в мальчике конкурента.

Удо начал петь:

– Ветер нежный, окрыленный, благовестник красоты.
Отнеси привет мой страстный той одной, что знаешь ты.

Фалберт закрыл глаза и с удовольствием слушал своего шута.

– Расскажи ей, что со света унесут меня мечты,
Если мне от ней не будет тех наград, что знаешь ты,
Потому что под запретом видеть райские цветы
Тяжело, – и сердце гложет та печаль, что знаешь ты
И на что цветы Эдема[9], если в душу пролиты
Ароматы той долины, тех цветов, что знаешь ты?
Не орлом я быть желаю, видеть землю с высоты:
Соловей-Хафиз ту розу будет петь, что знаешь ты.

Вдруг вошел Рабан и торжественно произнес:

– Все готово!

– Начинаем пировать! – сказал Фалберт.

---

[9] Эдем – райский сад, по христианской легенде находится на Армянском нагорье.

Через считаные минуты в зал внесли оленя. Он был приготовлен с луком и чесноком – с основными специями Средневековья. Первым к трапезе приступил господин, затем Удо, а уже затем Эуген. Все очень проголодались после охоты и ели практически молча. Утоля свой голод, Фалберт сказал:

– Завтра возвращается мой сын! Нужно будет встретить его с почестями.

Вечером все отправились спать. Эугену достался сундук в одном из залов замка, по соседству со спальным местом Сигфрида.

Сигфриду и Зельде предстояло всю ночь провести на кухне за приготовлением праздничных угощений к приезду сына Фалберта. Они пожалели Эугена и дали ему возможность спокойно поспать и набраться сил перед ответственным днем.

Helebardenträger Hans-Arno Loerts Ausrufer Bodo Wolters Trommler Franz Krämer

Дремля, он с грустью вспоминал о родителях, которых ему не хватало в этом мрачном и чужом замке, где о нем никто не заботился. Он скучал по родительской заботе, особенно по отцу.

На следующий день весь замок Уолтер пребывал в приятном волнении: все ждали прибытия сына Фалберта.

Когда Эуген проснулся от яркого света, всюду проникающего из маленьких окон, расположенных по всему периметру зала, он услышал оживленный шум во дворе и торжественное звучание рога. Эуген поднялся, оделся и подошел к окну, в котором открывался вид на двор. Там мальчик увидел герольда, дующего в рог, и какого-то господина на коне с длинными вьющимися волосами черного цвета. Но хозяина там не было.

Через считанные секунды в зал вошел Сигфрид и сказал:

– Синьор ждет тебя, Эуген! Он отправил меня за тобой, а сам пошел встречать сына. Ты готов?

– Да, – радостно ответил Эуген, по-детски радуясь предстоящему пиру.

– Хорошо, тогда пошли скорее! Господин не любит, когда слуги задерживаются, – добавил Сигфрид и они, торопясь, пошли во двор.

Пока Сигфрид и Эуген разговаривали, Фалберт уже вышел из замка во двор, где его сын, не слезая с коня, разговаривал с герольдом:

– Как здоровьице у отца?

– Со мной все в порядке! – крикнул Фалберт за герольда, приближаясь к беседующим.

Сын, увидев отца, ловко спрыгнул с коня и бросился его обнимать. Он обнял его с такой силой, с какой обычно обнимают только после долгой разлуки.

– Сам-то как, Уц? – спросил, улыбаясь, Фалберт.

– Хорошо, отец! Я вернулся живым, и это главное!

– Да, сын! С возвращением! Мы приготовили тебе торжественный обед! Проходи скорее!

Эуген вместе со всеми вошел в замок и прошел в парадный зал. Он был поражен великолепием угощений, которые были простыми, но такими аппетитными! Из углов зала звучала музыка, льющаяся из арф, на которых играли двое бородатых мужчин.

Эуген не знал, куда ему смотреть: на стол, выстроенный буквой «П», на синьорскую семью или на музыкантов, которые, так умело, играли на своих инструментах.

Фалберт и Уц сели за стол на места, заранее для них приготовленные, на стулья с самыми высокими спинками, обрамленные металлом. Перед ними на столе лежали закуски из кабана, гусей; были овощи – бобы, морковь, горох и тыква; лежали пироги и оладьи и очень много вина.

Тут Фалберт откусил хлеб вместе с мясом и подозвал Удо. Удо выбежал в своем цветном костюме, со сдержанной улыбкой.

– Удо! Давай, дорогой, рассмеши нас, повесели! – сказал Фалберт.

– Однажды, – начал шут, – к монаху, продавцу индульгенций[10], подошла большая компания: «Можешь ли ты продать нам прощение за грабеж?» Монах согласился и назвал цену. Люди заплатили, и, получив прощение, тут же отняли у него все деньги. Монах в бешенстве стал проклинать путников: «Грешники! Гореть вам в аду!» На что люди удивленно возражали: «Почему же ты нас проклинаешь? Ты же только что нас простил».

---

[10] Индульгенция – бумага, свидетельствующая о прощении грехов с подписью Папы Римского.

– О, Господи! Ха-ха, – рассмеялся Фалберт – Прости, Боже! А ведь и правда!

Веселье в замке не прекращалось практически до заката. Ближе к вечеру в замок Уолтер прибыл местный епископ Тедерик.

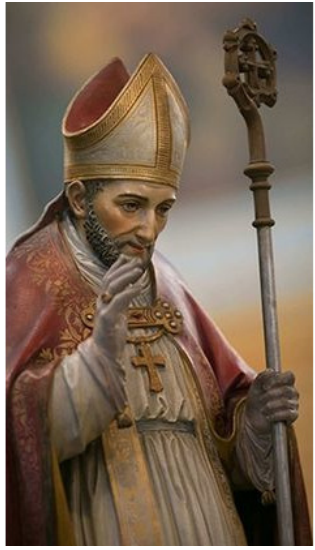
Когда он восходил по лестнице в парадный зал, казалось, он ослеплял своим внешним и внутренним светом. Его сутана была расшита золотом и драгоценными камнями, в его руке был жезл, который торжественно постукивал по плитке пола. В тот момент Удо находился на кухне и тут он услышал шаги епископа по характерному звуку жезла. Он выждал немного, а затем поднялся по лестнице, ведущей в главный зал, и посмотрел щель.

Зал не был так переполнен, как в начале дня, а музыканты устали и перестали играть. Фалберт и Уц рассуждали о войне, а Эуген сидел с ними рядом и слушал их рассказы. Сиг-

фрид и Зельда убирали пустые тарелки и отходы.

Тут звон усилился и прекратился. Все сидящие в зале увидели епископа, разговоры прекратились. Фалберт поднялся и низким поклоном встретил духовное лицо. Тедерик сел рядом с Эугеном. Мальчик был взволнован и рад, оказанному ему почету.

Когда Удо увидел, что епископ сидит рядом с новым пажом, а место с хозяином свободно, тогда он смело вошел в парадный зал и уселся на свободное место поблизости с господами.



– Я рад, синьор Фалберт, что ваш сын благополучно вернулся с войны. Я молился за него, как за родного, ведь я крестил его, – произнес епископ.

– Удо! Зачем ты пришел?! – сердито спросил Фалберт, – Не видишь, господа разговаривают?!

– Простите, господин, – сказал грустно Удо, собираясь уйти.

– Разве он нам мешает? – спросил удивленно Тедерик.

– Ладно, Удо! Останься! Что с тебя взять?! – сказал раздраженно Фалберт своему шуту.

Тедерик спросил Уца:

– Как прошел бой?

– Бой был нелегкий. Я надеялся только на милость Божью. Интересно, есть ли где-нибудь такая земля, где нет войн?

– Разные есть места на свете, – сказал Тедерик, улыбаясь своей грустной улыбкой, – есть земли похуже, чем наши, там едят люди друг друга! Нет, не в Бога они веруют там, а, пожалуй, в дьявола. Не слышали они ни о Рождестве Христовом, ни о святом его Воскрешении!

– О, Боже мой! – воскликнул со страхом в голосе Фалберт.

Уц усмехнулся и спросил:

– Откуда вы узнали об этом, милорд епископ?

– Аббат Николаус, с которым мне посчастливилось познакомиться, бывал на Святой земле[11] и преодолел огромные

---

[11] Святая земля или Земля Обетованная – средневековый религиозный термин, которым называлась Палистина, где находится Храм гроба Господня.

расстояния в период крестового похода. Он-то мне и рассказал о разных чудесах. Сам я тогда удивился, какие разные обитатели живут в нашем мире. Не верю я в то, что всюду только войны и противоречия, думаю, есть земли, где нет греха, и где всегда поет птица Феникс[12].

Тут в зал вбежал герольд. Он был очень взволнован и единственное, что он смог прокричать – это «восстание»!

Лицо епископа оставалось неподвижным и выражало спокойствие. Все остальные в панике заметались по замку. Фалберт закричал:

– Приготовьте луки и стрелы, будем отбиваться!

---

[12] Птица Феникс – мифологическая птица, обладающая способностью сжигать себя и затем возрождаться. Известна в мифологиях разных культур.

Кто-то побежал за стрелами, а кто-то искал укромные места в замке, чтобы переждать набег. Через несколько мгновений Эугена отозвал Сигфрид, а Тедерик оставался на своем месте и молился.

Сигфрид провел Эугена в башню, где находилась лестница, которая соединяла кухню на первом и парадный зал на втором этажах. Там, на лестничной площадке в стене была бойница[13], она была столь укреплена, что в нее трудно было

---

[13] Бойница – узкое отверстие в бруствере или в оборонительных стенах, или выемка в окопе. Служит для ведения огня из укрытия по заданному направлению. Чаще всего встречаются в крепостных стенах и башнях. Размеры зависят от применяемого оружия.

попасть вражеской стреле. Эуген впервые за свою короткую жизнь узнал, что такое восстание.

– Не бойся! – поддерживал его Сигфрид, – Это не так уж страшно, нужно просто стрелять из лука точно так же, как и на охоте. Смотри. Он мастерски выпустил стрелу и сразил бегущего к крепости мужика.

Эуген очень боялся восставших, а, как известно, сильный страх всегда перерастает в агрессию. Эуген взял второй лук с пола и начал стрельбу по крестьянам. Мальчики хорошо стреляли, но крестьян было очень много, из-за чего казалось, что ситуация на поле боя не меняется.

Это страшное восстание произошло из-за непосильного оброка[14], возложенного Фалбертом Уолтером на крестьянские плечи. Такие восстания в замке Уолтер случались крайне редко. Ранее Фалберт уже поднимал оброк, но это не приводило к подобным происшествиям. Возможно, он потерял меру, и его жадность достигла небывалой силы. Все мужчины замка вооружились луками. Крестьяне тоже были вооружены неплохо, но, в отличие от обороняющих замка, у них не было доспехов и профессионального оружия. Однако восставшие превосходили численностью, что усложняло ситуацию для Фалберта Уолтера. Некоторые крестьяне, под натиском страха, отступали, но самые смелые добрались до ворот крепости Уолтер. Их было около двадцати человек, и у них

---

[14] Оброк – одна из повинностей зависимых крестьян, заключающаяся в выплате дани помещику продуктами или деньгами.

были стрелы.

Фалберт и Уц наблюдали за происходящим с вершины башни.

– Нам нужен план! – воскликнул задумчиво Фалберт, – Нам нужно запустить их в замок и окружить.

– Отец! Это же очень рискованно! Может лучше постараться взять их у ворот?

– Не думал я и не гадал, что крестьяне могут быть столь находчивыми и решительными, – посмеялся Фалберт и серьезным голосом добавил, – они оказались неплохими вояками, поэтому нужно подкрепление на крепостную стену у ворот. По углам нашего замка стоят башни, в которых есть несколько герольдов и слуг. Они могли бы встать на защиту нашей крепости. Но это восстание уже принесло много жертв, среди охраны замка и я боюсь подвергать такой серьезной опасности своих герольдов и других слуг, они и так уже сделали что могли.

– Я знал, отец, что ты очень добродушен, – сказал напряженно Уц, – но я считаю, что подвергать замок опасности еще хуже!

– Да, пожалуй ты прав, сын! Главная задача – защитить замок Уолтер! Сейчас я лично проведаю воинов и, если будет нужно, позову подмогу!

Несколько минут Фалберт потратил, чтобы дойти до своей армии. Там он увидел такую картину: двенадцать воинов

против оставшихся двенадцати крестьян. Фалберт решил, что будет мудро использовать его секретный план в такой ситуации, при чем, можно будет не

звать подмогу. Синьор раздал приказы воинам и скрылся в ближайшей башне.

Воины подняли белый флаг, открыли ворота и спустились, инсценируя свое поражение. Крестьяне обрадовались, увидев белое знамя, и вошли во двор замка. Тут ловушка захлопнулась: внезапно их окружили воины синьора. Воины со всех сторон направили на восставших стрелы. Восставшие крестьяне были брошены в тюрьму, находившую-

ся по соседству с кухней. Восстание побороли, но проблемы и конфликты в замке с того дня лишь только начали нарастать!

Отец Тедерик покинул замок сразу же после восстания. Он поблагодарил хозяев дома и отправился в Мюнхен.

Эугену очень хотелось посмотреть на церемонию расставания с епископом, потому что он произвел на него большое впечатление. Мальчика поразило в нем все: и манера поведения, и торжественная сутана, и сложность и величие речей. Тедерик показался молодому пажу человеком из будущего, знающим больше других. Увы, хозяева замка запретили ему провожать священника в Мюнхен, а приказали отправиться на кухню и помочь Сигфриду и Зельде.

Проходя на кухню, Эуген услышал какие-то звуки, доносившиеся из тюрьмы. Ему стало не по себе, он сразу забыл о своих мыслях и мечтаниях, которые навеяли слова епископа о счастливых и святых местах на земле. Он вновь вспомнил восстание и его ужасы. Эуген посмотрел на дубовую дверь и засов тюрьмы и решил, что восставшие вполне заслуживают такого наказания, потому что они

могли убить всех мирных жителей замка Уолтер, а затем пошел на кухню.

Там Сигфрид и Зельда уже практически навели порядок. Оставалось только вымыть вертел, на котором жарилось мясо и несколько чугунов. Зельда мыла, а Сигфрид вытирал посуду куском материи.

Зельда пела себе под нос:
«Пляшут танец озорной
Ганс и Грета в выходной.
Под веселый перепляс

Сердце радуется в нас[15]».

– Я слышал эту песню! – вмешался Эуген.

– Это всего лишь народная песня, – сказал Сигфрид, ехидно улыбаясь, – где же ее мог услышать маленький дворянин?

– Я не маленький! – рассердился Эуген, – Я, между прочим, помогал вам во всех взрослых делах, я участвовал в сражении, а вы теперь пытаетесь меня обидеть?!

– Эуген, ты предал нас – ты остался ужинать с господином, совсем позабыв о нас!

Эуген вспомнил события вечера, когда после охоты Фалберт посадил его за один стол с собой.

– А как я должен был поступить? – спросил паж, – Я же не мог отказать синьору.

---

[15] Национальная немецкая песня

Эуген задумчиво почесал затылок, не снимая шляпу пажа.

Тут послышались какие-то скребущиеся звуки и легкие удары о дверь темницы. В этот момент на кухню вошел Удо. Он услышал эти звуки и крикнул заключенным:

«Будете скрестись, мы прикуем вас к стенам!»

А затем сделал несколько медленных шагов к молодым людям и спросил:

– Как у вас дела? Вы справляетесь?

Ребята, как один, сделали одобрительный знак головой.

В ответ на этот жест шут сказал:

– Если у вас все хорошо, я пойду к синьору.

После этого Удо ушел.

– Да, заключенным не позавидуешь, – сказал Сигфрид.

И Зельде тут же стало как-то не по себе. Ее красивое молодое личико в этот миг исказилось смесью страха и сострадания.

Эуген тоже вспомнил, как его мать гневно обращалась со слугами, которые тоже были из крестьян. Он их очень жалел и порой не понимал, почему она себя так ведет. И Эугену вдруг стало жалко заключенных крестьян, тем более, что его семья никогда не держала заключенных. Особенно насторожила его фраза, брошенная Удо: «…приковать к стенам».

Прошло чуть больше года, на улице шел листопад. Фалберт Уолтер смотрел в окно, через которое врывался уличный ветер, а Удо сидел на сундуке. Они расположились в парадном зале.

– Я невероятно добр, – заключил Фалберт, – Я кормлю восставших больше года, хотя они даже трех дней не заслуживают.

В этот момент Эуген подходил к двери парадного зала и услышал слова господина, от чего очень перепугался, но переборов себя вошел.

– Да, вы правы, господин, – согласился шут.

Услышав разговор, Эуген не решался заговорить о заключенных, но он должен был это сделать!

– Заключенные требуют еды, светлейший сударь! – воскликнул Эуген.

Эугену, на тот момент, исполнилось лишь восемь лет, но он уже успел поумнеть за год в замке Уолтер и значительно повзрослеть.

Господин, услышав слова своего пажа, повернулся к нему и, сердясь, сказал:

– Как они могут требовать у меня большей милости, чем я им оказал! Подайте им остатки от моего завтрака! И будьте

с ними аккуратнее, они опасны, очень опасны!

Мурашки прошлись по спине Эугена, он еще ни разу не заглядывал в тюремную камеру с заключенными. Его воображение рисовало жуткие картины: он поверил в то, что восставшие могут до сих пор представлять опасность.

Через несколько минут Фалберт добавил:

– Вот, что еще! С Уцем сходите, нарубите дров, зима скоро начнется!

Рабан снарядил Уца в парадном зале. Церемония снаряжения была очень похожа на подготовку к охоте. Сигфрид и Эуген подготовили топоры, которые наточил палач. Пока шла подготовка, погода испортилась: поднялся ветер и стал злобно скидывать с деревьев старую листву. Он навевал грустные мысли.

Слуги скакали друг за другом, как на охоте.

– Казнят их, ей Богу, казнят! – сказал Сигфрид Эугену, пытаясь догнать лошадь Уца.

Эуген сидел позади Сигфрида и молчал. Услышав слова Сигфрида, Рабан сказал:

– Синьор не щадит тех, кто бунтует против него. Это, правда, лишь второй случай за его жизнь, но в прошлый раз он дал приказ расправиться с восставшими уже на следующий день!

– Может, он их помилует, – тревожно сказал Эуген, переводя взгляд на Рабана.

– Не знаю, что им будет лучше, мой друг! Не знаю…

Они нарубили дров, а затем отправились кормить заключенных.

Эуген не мог справиться со своим любопытством, несмотря на то, что страх перед восставшими сильно пытался противостоять этому чувству, но все же любопытство победило! Эуген заглянул в тюрьму в тот момент, когда тарелку с едой поставили на пол, а через три мгновения снова закрыли на крепкий засов. Мальчик лишь ненадолго успел увидеть их измученные фигуры, после чего до вечера прокручивал этот момент в голове.

Вечером, когда Эуген и Сигфрид укладывались спать, Эуген спросил:

– Что будет с этими крестьянами?

– Казнят, однозначно.

– Но это слишком жестоко! Они же просто хотели снижения оброка, мне это Рабан сказал.

– Я тоже это слышал, но синьора нельзя переубедить, поэтому нужно всем смириться и спать, – заключил Сикфрид,

а через время добавил:

– Если не хочешь сам оказаться в тюрьме или эшафоте.

Мысль о заключенных не оставляла пажа всю ночь. Он не знал, как лучше будет поступить в такой сложной ситуации.

Задремав, мальчик услышал голос Тедерика где-то на лестнице. Эуген приподнялся и стал прислушиваться, а когда убедился в том, что это действительно епископ, встал и пошел на голос. Эуген бежал по лестнице замка, пока не дошел до капеллы, которая располагалась где-то в башне. Эуген впервые увидел ее. Капелла была вся в свечах, и на серой стене висел деревянный крест. Епископ стоял у стены с крестом и спокойно смотрел на мальчика. Эуген застыл от страха и не мог проронить ни слова.

«Эуген, не бойся», – сказал с улыбкой Тедерик, – «Тебе выпал сложный выбор, мальчик. Готов ли ты пожертвовать собой ради крестьян, сидящих в темнице?» Эуген молчал. Епископ продолжал: «Если ты освободишь их, ты станешь настоящим рыцарем! Ты будешь самым доблестным рыцарем в Баварии! Но не жди наград в ответ. Никто не будет почитать тебя как героя».

Тут епископ стал спускаться по лестнице, прихватив пару свечей. Эуген побежал за ним, чтобы узнать, почему самого благородного рыцаря не будут почитать, но на лестнице никого не было, а все свечи в коридоре, которые обычно оставляли на всю ночь, потухли. Эуген перепугался и закричал… Как вдруг очутился в зале на сундуке. Казалось, уже было раннее утро: «Так что же? Это всего лишь был сон?» – спросил себя Эуген.

Сигфрид встал со своего сундука и увидел, что его друг уже не спит. Тогда он спросил: «Эуген, ты уже не спишь? То-

гда пойдем помогать Зельде с завтраком». Эуген встал, еще не отойдя от странного сна, и вместе с Сигфридом спустился на кухню.

Зельда уже была на месте. На завтрак Фалберт обычно ел мало. Это были, в основном, пироги, поэтому Зельда стала затевать тесто. Эуген подбежал к Зельде:

– Можно я тебе помогу?

– Конечно. Разбей два яйца в эту миску, – сказала она, ссыпая муку.

– Если я вам не нужен, то я пойду помогать Рабану и слугам на конюшне, – сказал Сигфрид.

– Да, мы, пожалуй, справимся без тебя, – сказал Эуген.

Сигфрид ушел. Зельда и Эуген остались вдвоем.

– Скажи, Зельда, у тебя когда-нибудь были пророческие сны? – спросил Эуген, с настороженным ожиданием глядя на девушку.

– Много лет назад, – сквозь слезы начала Зельда, – мне приснилось как – будто меня отлучили от семьи и отправили в другой замок. Вскоре так и случилось.

– А мне сегодня приснился епископ, – сказал Эуген и рассказал свой сон.

– Епископ Тедерик – один из самых светлых людей, которых мне приходилось встречать в жизни, – вытирая слезы, произнесла Зельда, – его слова благородны даже в твоем сне. Он правильно намекнул тебе, что освобождать восставших благородно, но очень опасно!

– А почему спасение крестьян благородно для рыцаря? – спросил мальчик.

– Потому, что рыцари – это благородные люди. Но звание рыцаря не прибавляет господину благородства, а только его поступки. Чтобы быть благородным человеком, нужно иметь рыцарское сердце. Оно есть только у единиц, – изрекла Зельда.

– А у тебя оно есть? – наивно улыбнулся Эуген.

– Я не знаю, Эуген, но мне тоже жалко восставших, несмотря на то, что они покушались на замок. Они могли нас ранить. Но все нужно прощать. Так учит Христианская вера, так бы сказал епископ Тедерик.

Тут пришло время делать начинку.

– Думаешь, мы могло бы освободить заключенных? – спросил, волнуясь, Эуген.

Зельда задумалась и даже перестала строгать капусту. Потом она сказала:

– Не знаю. Может быть, с Божьей помощью.

Тут на кухню вошел Сигфрид:

– Зельда, торопись с пирогами. Синьор проснулся и ждет завтрака.

Тут Сигфрид сделал голос тише и добавил:

– Плохие новости. Господин надумал казнить восставших.

Все ужаснулись.

– С этого момента я ненавижу синьора! – произнес в злобе

Эуген.

После этого разговора Зельда понесла пироги Фалберту и Уцу.

– Сигфрид, останься с Эугеном. Я справлюсь сама, – сказала настойчиво Зельда.

Сигфрид подчинился. Он сел на табурет рядом с пажом.

– Знаешь, Сигфрид, мы с Зельдой решили восстать, и у меня даже появился небольшой план!

Сигфрид выслушал Эугена, затем задумался ненадолго и согласился. План показался ему неплохим и, кроме прочего, Сигфрид захотел испытать себя.

После недолгого разговора слуги перекусили пирогами, оставшимися от завтрака господ, и начали готовиться к заговору. Подготовка шла до обедни.

Подошло время кормить заключенных обедом. Сигфрид сдвинул засов и открыл тюрьму. Он шепнул им о скором освобождении, попросил тихонько готовиться и запер их снова.

Эуген остался с Сигфридом, а Зельда понесла в парадный зал обед для господина.

Это было лучшее время для побега! Все обитатели замка находились в парадном зале, а по коридорам ходили лишь те, кто согласился участвовать в заговоре.

Сигфрид открыл дверь и велел крестьянам незаметно спуститься к выходу. Радость и напряжение затуманивали голову всем участникам восстания! Крестьяне ринулись к двери из кухни, как вдруг на пороге оказался Удо… Здесь его появления никто не ждал…

Один из крестьян от неожиданности и огромного желания сбежать толкнул шута, что было сил. Удо упал на пол. Тут крестьяне, воспользовавшись заминкой и забыв о соблюдении тишины, шумно ринулись ко всем дверям замка. И, вот, досада! Неожиданно их окружила охрана, стоявшая на обороне крепости. Шум, который подняли восставшие, не мог не привлечь их внимание.

– Все, – сказал тихо Сигфрид, – нас всех казнят…

Охрана решила не тратить время на разбирательства: «кто

виновен, а кто – нет» и запихала всех в тюрьму. Среди заключенных теперь оказались Сигфрид и Эуген. Шута не тронула, хоть он и оказался в гуще событий, потому что Удо был любимчиком господина и явно не мог быть замешан в заговоре. Охранники сообщили о случившемся господину Фалберту. Тот был в негодовании:

– Иуды! Никогда бы не подумал, что среди вас есть предатели! Я думал, мы – одна семья! Я вас кормил и поил! И никогда не сомневался в вашей честности, всегда был добр с вами. Как я мог ошибаться в вас! С этого дня я буду осторожней и жестче!

После этих слов Фалберт приказал заковать восставших в кандалы.

– Отец, – сказал Уц Фалберту, когда они стояли на крепостной стене своего замка, – Я всегда говорил: «Меньше доверяй слугам, будь жестким с ними, как на войне».

– Но, сын, на войне враги, а здесь моя семья…

– Вот, из-за этого доверия и семейной любви у нас проблемы со слугами!

– Не знаю, – сказал задумчиво Фалберт.

Тут к ним подошел Удо:

– Господин! Пойдемте в замок, замерзнете!

– Удо, ты один меня понимаешь, – сказал старый синьор, проходя к выходу в башню, – скажи честно, я слишком добр?

– Конечно, вы невероятно добры! – заискивающе сказал Удо.

– Моя доброта привела к потере власти над слугами. Какой выход найти? Нет, без мудрой мысли святого милорда епископа не обойтись!

Аббатство Святого Августина

Вскоре епископу было отправлено письмо с просьбой, приехать в Замок. Епископ приехал уже на следующий день.

Фалберт и Тедерик остались вдвоем, так как разговор был секретный.

– Что у вас случилось, синьор Уолтер? – спросил Тедерик.

– Святейший милорд епископ! Я всегда уважительно и с любовью относился ко всем жителям своего замка. И все было хорошо, но вдруг мои самые ближайшие ко мне слуги устроили против меня заговор!

– Но без причины не может случиться восстание, – сказал спокойно Тедерик, – расскажите мне все, если вы действительно хотите разобраться.

– Все началось с восстания крестьян, свидетелем которого вы были. Часть восставших погибли во время штурма. Человек десять выжили и были посажены в тюрьму, но я стал подумывать об их казни. Сколько можно было их кормить? Стоило сказать об этом одному из своих слуг и все, пиши – пропало! Весь замок узнал этот секрет!

– Синьор! Вы жестоки в своих намерениях! Я никогда не уважал казни. Думаю, вы должны устроить сражение двух выходцев. Один воин от вашего замка будет сражаться с одним из восставших крестьян. Кто победит, того условия вы выполните. Пусть Господь решит судьбу крестьян!

– Хорошая мысль! Я обязательно подумаю над этим, – сказал Фалберт.

– А слуги что? – спросил епископ.

– А слуги хотели этих крестьян тайно отпустить! Теперь они сидят в этой же темнице, да еще и в кандалах! Даже паж мой, Эуген Глазенап, всего восьми лет от роду, и тот участвовал в заговоре!

– Паж Эуген? Это тот самый мальчик, который сидел вместе с нами на вашем пиру? – спросил с интересом Тедерик.

– Тот самый, – сердито ответил синьор.

– Славный малый, – продолжил священник, переводя взгляд на окно.

Дальше наступило молчание. Оба собеседника насупились и задумались каждый о своем.

– Отдайте мне Эугена! – вдруг сказал епископ.

– Он не из простых крестьян, чтобы я вам его отдал или подарил! – немного рассердился Фалберт.

– А почему же вы тогда его, как простого крестьянина, в кандалы заковали, несмотря на то, что он из рыцарского рода Глазенап?

Тут господин растерялся и понял, что спор не имеет смысла и сдался.

Охрана замка провела священника к заключенным. Тедерик еще раз выяснил все тонкости случившегося у са-

мих восставших, после чего потребовал у синьора участников восстания: Эугена и Сигфрида. Он был уверен, что к преступлению их подтолкнули добрые намеренья и желание справедливости.

Итак, по распоряжению епископа Тедерика с Сигфрида и Эугена сняли кандалы и усадили в повозку вместе с епископом. Конечно, они были безмерно благодарны священнику за то, что он вытащил их из темницы.

– Куда мы едем, светлейший милорд? – спросил Сигфрид, когда они только немного отъехали от ворот крепости Уолтер. Епископ не успел ответить. Монах, который управлял

повозкой, с усмешкой сказал:

– В аббатство, куда же еще может ехать повозка епископа?!

– В аббатство Святого Августина! – добавил дружелюбно Тедерик.

– Я виноват, что задумал этот заговор? – спросил Эуген.

– Ну почему же? – сказал епископ загадочно, – Ведь ты хотел помочь несчастным, а это дело благородное! У тебя сердце настоящего рыцаря, мой мальчик!

Тут Эуген вспомнил сон, задумался, а потом спросил:

– Если я настоящий рыцарь, то почему же меня заковали в кандалы?

Сигфриду и монаху этот вопрос показался смешным и наивным, но они сдержали улыбку.

– Настоящий рыцарь – силен духом, – сказал Тедерик, – он не боится оказаться в тюрьме, всегда готов жертвовать собой ради других и помогать несчастным. А многие рыцари – и не рыцари вовсе, нет в них того благородства, о котором они так часто говорят! Заботятся они только о себе. И поэтому такие господа никогда не оценят доблестных поступков.

Эуген, наконец-то, нашел ответ на свой вопрос. Он понял, почему Фалберт Уолтер так жестоко с ним обошелся.

Тут их повозка добралась до аббатства Святого Августина. Священники провели спасенных в храм. Они увидели огромный зал со скамейками, на стене, напротив входа, висел крест, на который падал разноцветный свет, проникаю-

щий в зал через мозаику круглого окна, розы изменчивости[16]. Епископ поклонился кресту и сказал Эугену:

[16] Роза изменчивости-круглое окно из цветной мозаики с западной стороны стены католического храма.

St. Augustine
PINTURICCHIO
c. 1500

– Это аббатство носит имя Святого Августина. Он был уверен, что грешные люди прокляты и от своего несчастья совершают грехи. Вот, например, ваши восставшие из замка Уолтер совершили злой, грешный поступок – восстали из-за того, что несчастны, так как вынуждены подчиняться Фалберту Уолтеру. Эуген, ты хотел спаси их от мучений, тем самым, даруя им возможность замолить грехи в церкви – спасти свои грешные души.

Эуген задумался: «Значит, настоящий рыцарь, как священник, добр и справедлив и, как крестоносец, доблестен и благороден. Наверное, такие рыцари есть только на святой земле».

Потом епископ Тедерик вернул Эугена родителям и посоветовал им быть осторожнее с выбором господина, так как их сын был заключен в темнице.

Путешествие в прошлое

Жил в одном городе человек. Был он беден и единственное, что у него было ценное – это квартира на первом этаже. Подъезд был узкий и тесный, прокуренный табачным дымом. Внутри квартиры была обыкновенная обстановка: шкаф-стенка, стол, телевизор, тумбочка и диван. Жил он один. Звали этого человека – Андрей Семенов. Он был столяром.

Хранились в его шкафу-стенке часы наручные, долго хранились. Как-то раз решил Андрей надеть часы. А затем пошел на работу. Работа нетерпеливо ждала своего мастера, нужно было сделать: молоток, скамейку, стул и стол. Как все успеть?!

Взглянул Андрей на часы и заметил, что они неправильно время показывают, нажал на кнопку на часах, чтобы стрелки настроить и… Вдруг он заметил, что все замерло: люди, предметы и все часы, которые были вокруг тоже замерли. Андрей удивился и не понял, что произошло. Но как бы это странно не звучало – время остановилось! Напугался Андрей Семенов, снова нажал на кнопку. И вдруг все ожило: люди, стрелки на часах. «Если все замерло – все люди и часы, то это значит, что время можно остановить и тогда я все успею! – подумал столяр. Он снова нажал на кнопку, время встало, и он принялся за работу. Андрей работал где-то 2 ча-

са, но когда он запустил часы, оказалось совсем не прошло ни секунды!

Много, много раз это повторялось. И каждый день он прибавлял и прибавлял количество заказов.

Но однажды он нажал на кнопку и что-то не сработало. Андрей думал, что время остановилось, но стрелки так и не остановили свой ход. Он еще не успел закончить, а в мастерскую зашел покупатель, сердито надвинув брови. Столяр обернулся и был удивлен неожиданной встрече. Покупатель недовольно показал на настенные часы, висевшие в мастерской…

С этого момента количество заказов уменьшилось. Денег Андрею стало катастрофически не хватать.

И тогда столяр придумал вот что: он остановил время вновь, но на этот раз с другой целью – своровать! Он покинул свой дом и, пока время было остановлено, Андрей пробрался в банк, где буквально из рук вырвал деньги, но никто ничего не заметил. Подобным образом он обманул посетителей рынка, магазина одежды и продуктов.

Когда Андрей запустил время, ни продавцы, ни покупатели не могли понять, что случилось! Покупателям показалось, что их обманули продавцы, а продавцам – наоборот. Информация просочилась в телевидение. Началась шумиха вокруг этой истории, но виновника преступления это не остановило. Андрей снова посетил банк, а еще магазин парфюмерии и магазин бриллиантов. Телевидение бушевало

этими новостями, но это не остановило Андрея.

Но, вдруг, его часы вместо того чтобы остановить время, стали возвращать его назад!

Сначала словно в воронке все перемешалось, а потом стало четко видно фрагменты его жизни. Но фрагменты были неподвижны как картинки.

Андрей видел встречу со своим последним покупателем… А стрелки все крутились и крутились в обратную сторону. Появлялись новые и новые картинки: как Андрей изготовил молоток, стул и другие заказы. Но не заметил он моментов своих преступлений! Лишь видел возмущенные лица продавцов и посетителей магазинов…

Время медленно стало уводить Андрея в прошлое и, наконец, он увидел себя совсем маленьким у своей мамы на руках, потом он увидел жизнь своих родителей до своего рождения, потом рождение мамы и папы, как их держат на руках и жизнь их родителей до их рождения.

Одним словом, он увидел всю историю своей семьи, даже до самых древних, средневековых предков. Андрей так засмотрелся, что даже не заметил, как просмотрел несколько эпох! И когда он заметил, что оказался в Средневековье, то решил остановить неправильный ход часов.

Он осмотрелся. Вокруг него крутился какой-то серебристый вихрь, который охватывал его со всех сторон. Впереди него был экран, на котором замерла картинка из жизни его древнего предка. На нем Андрей увидел себя и своих ро-

дителей. Наш герой посмотрел вниз и увидел клочок земли, сверху же вихрь образовал небольшую щель в конструкции.

«Вот бы туда пробраться?» – мелькнула мысль у столяра.

Но щель была выше него в 5 метров. Он решил прижаться к вихрю, что бы тот поднял его вверх. Но вихрь был слабый и не смог поднять его к выходу из крепости времени! Тогда Андрей облокотился на экран с изображением его предков и провалился за него.

Андрей обратил внимание на свою одежду и заметил, что она изменилась: вместо современной одежды на нем оказалась длинная одежда с фартуком.

Вдруг Андрей увидел вокруг себя рыночную площадь. Справа возвышался чей-то замок, слева стояли тесно поставленные постройки, а впереди – ратуша[17]. Вокруг Андрея были торговые лавки, а рядом с ними народ. Там, рядом с одной палаткой стояла его прапрабабушка. Женщина лет пятидесяти. Она покупала зелень и овощи. Потом она поспешила домой, а за ней тихим шагом последовал Андрей. Они шли по тесным улицам, переходили огромные лужи. Один раз на них чуть не пролили ведро помоев из окна.

И вот, наконец-то, перед ними стоял деревянный двухэтажный дом. У жильцов второго этажа был свой отдельный вход, а рядом с дверью на первом этаже висела табличка с сапогом. Они вошли в дом в дверь на первом этаже. Там внутри была одна большая комната, разделенная деревянными

---

[17] здание, в котором заседала городская знать

перегородками. В центре комнаты стоял стол, за которым сидел древний предок Андрея Семенова – его прапрадедушка Орелин. Он был старым сапожником и слугой рыцаря Жонсьера. Матье подошла к столу и налила чая. Так звали прапрабабушку Андрея. Вдруг из-за одной перегородки выбежали дети. Это были внуки Орелина и Матье. Орелин, наконец, обратил внимание на незваного гостя и спросил:

– Кто вы и как сюда попали?! – удивленно и смущенно спросил он по-французски. (Средневековые предки Андрея были французами.)

Андрей растерялся и, уж было, собирался уйти, но поборол свое волнение и вспомнил, как дядя учил его французскому языку, потому что считал, что знания языков могут помочь ему в жизни и сказал:

– Я, я…. ваш новый сосед…

– А-а-а, ты, наверное, сбежал от своего сеньора?! – вмешалась в разговор Матье.

– Да, – ответил Андрей, не зная, что больше сказать.

– Но мы тоже не свободны. Мы платим дань рыцарю Жонсьеру. Ему принадлежат все лавки в этой округе и цех, – грустно произнес Орелин.

– Ну, ладно, садись с нами за стол, – сказала Матье.

Тут они немного помолчали. Спустя время, Орелин спросил:

– Как тебя зовут?

Тут Андрей попытался вспомнить хоть одно французское

имя и сказал:

– Мое имя Патрис.

– А наши Матье и Орелин.

– Я – сапожник, а Матье продает сапоги на рынке.

Вот уже и солнышко опустилось за стены домов и замков. Андрей попросил хозяев остаться на ночь у них.

Ночь прошла спокойно. Утром вместе с солнцем теперь уже товарищи: Патрис (Андрей) и Матье двинулись на рыночную площадь.

Матье подошла к палатке, стоящей на четырех кольях, и зашла за стол на который поставила три пары сапог. Патрис встал рядом с ней.

Площадь еще спала, только у ратуши уже кипела жизнь. Но не они одни пришли сюда, неподалеку так же открывались многие другие лавки: пекарей, садовников и других сапожников.

Люди на рынке появлялись только после пяти часов, но больше всего людей было после двенадцати часов.

Патрис уже устал и обратил свой взгляд на ратушу, за которой был расположен Храм, рядом с ним горело пламя и собралось много людей.

Патрис сообщил об этом Матье. Она уныло посмотрела на него и пожала плечами: «Это они опять вершат инквизицию[18], видно опять выявили новых еретиков. Пойдем, посмотрим!

---

[18] мера наказания, принятая Католической церковью в Средние века

Они собрали вещи и покинули лавку. Они встали за угол ратуши.

Там на не большем холмике стоял, хитро улыбаясь, епископ в окружение своих слуг, аббатов и монахов. Недалеко от них горел огромный костер. У подошвы холма бушевал народ, обвиняя священников в жестокости.

Епископ начал свою речь: «Почтенный народ, я, как посланник Божий, вам говорю – Сам Бог желает, что бы виновники понесли свою кару. Но Бог великодушен даже к таким, как еретики и из жалости к ним просит нас не казнить их, а без истекания крови – сжечь на костре».

Услышав слова «Посланник Божий», «Сам Бог желает», народ поверил епископу, и большинство решили, раз он «Посланник Божий», то ему виднее. Народ успокоился.

Тут Патрис спросил Матье:

– Они что, задумали кого-то убить?

– К сожалению, да, – печально сказала Матье.

И тут они увидели, как из ворот храма вывели людей в белых рубахах. Среди них был коренастый мужчина с темно-русыми волосами до плеч и с небольшой бородой.

– Все! Я не могу на это больше смотреть! Пусть я буду грешницей, еретиком в глазах церкви, но я должна спасти этих людей! -волновалась Матье.

Рядом с ратушей стоял дом одного торговца, а рядом с ним – повозка с лошадьми.

Патрис предложил:

– Матье, там стоит повозка, нужно ее угнать… Но медлить нельзя. Сейчас их сожгут.

Они бросились в повозку. Патрис не умел управлять лошадьми, но в такой экстренной ситуации можно научиться всему. Он дернул со всей силы за уздцы и кони с ржанием понеслись. Патрис с трудом заставил лошадей повернуть за угол. Они промчались мимо толпы. Люди испуганно шарахались в стороны. Повозка подъехала к самому храму. Слуги епископа, державшие под руки еретиков, воспользовались шумом и паникой толпы, добровольно помогли мятежникам спасти церковных преступников. Матье и Патрис с ветром умчались за храм. Священники бушевали, слуги епископа, стоявшие рядом со своим господином, попытались догнать мятежников, но те уже скрылись с глаз. Они заехали в туннель епископа, расположенный за храмом. Он был возведен на случай восстания против епископа. Возмущенный епископ разогнал публику, потушил костер и приказал своим людям отправиться за рыцарем Жонсьером. Жонсьер всегда был готов помочь епископу, так как за помощь церкви епископ обещал прощение грехов.

А тем временем, еретики и мятежники, прошли туннель и оказались в лесу. Им преградили путь поваленные деревья. Патрис остановил повозку: «Как же нам проехать?» На что тот самый коренастый мужчина, который оказался главой еретиков, молча слез с повозки, а затем легко и быстро перекидал все ветви с дороги. Перед ними открылся еще один

туннель.

В туннеле было холодно и сыро, на корнях деревьев гнездились летучие мыши. Проезд был широкий и вмещал в ширину две повозки. Они быстро промчались по темному коридору. Вот уже виднелся свет. Они оказались в другом городе!

Тем временем, епископ с охраной и рыцарями ехал за мятежниками следом. Но город, где скрылись еретики, был больше, чем город Орелина и Матье. На поиски ушло много времени.

Рыцари часто останавливались у домов и спрашивали, не видели ли они повозку с людьми в белых рубахах, все отвечали – нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.